

ЭТОТ ЛЮБОПЫТНЫЙ ПИСАРЕНКОВ...

ОБЫЧНО автор всякого очерка о каком-нибудь деятеле искусств представляет читателю своего героя, как этакого ангела во плоти, рыцаря без страха и упрека.

Мой герой далеко не ангел. Более того, многое мне в нем не нравится, многое я в нем осуждаю. И все же мне симпатичен этот любопытный Писаренков, молодой артист Московской эстрады.

...Несколько лет назад его представил мне доброй памяти человек — конференсье Михаил Наумович Гаркави.

Конечно, «представил» — это громко сказано.

Михаил Наумович указал толстым, как сосиска, пальцем на стоявшего рядом с ним вихрастого мальчишку и сказал: «Вот, познакомься, клоун из циркового училища, Альберт Писаренков. Хочет быть конференсье. Посмотри, что он там умеет».

— Я посмотрел. Писаренков жонглировал, показывал незамысловатые фокусы, но вот говорил он не слишком хорошо. А умение разговаривать — обязательная принадлежность искусства конференса. Я деликатно сказал об этом Писаренкову. Посоветовал ему на время забыть о жонглировании и всяких фокусах, которые, кстати, произвели на меня некоторое впечатление. В движениях Писаренкова была какая-то лукавинка, словно он не слишком всерьез относился к своим номерам. В его действиях проскальзывала симпатичная ирония...

Когда бы я ни приходил в клуб, где мы репетировали, я всегда видел в одной из комнат Писаренкова. Он трудился в поте лица: жонглировал какими-то шариками, яблоками, крутил в руках игральные карты разных размеров. Значит, не послушался доброго совета. Ну что ж, вольному воля...

Но репетировал он действительно с утра до вечера.

И как-то Гаркави пригласил меня на интимный, как он сказал, просмотр юного дарования. Честно говоря, я хотел отказаться. Но можно ли отказать Гаркави, когда ему что-нибудь было нужно?

На этом просмотре мы убедились, что Писаренков все-таки заговорил. Правда, ему было далеко до Яхонтова и Журавлева. Но все же конференс был грамотным, понятным, хотя и не блистал разнообразием интонаций. Но самое интересное заключалось в том, что молодой артист органично включил в свои репризы и интермедии, и фокусы, и жонглирование.

Это было неожиданно и забавно.

— Такого безобразия я в жизни не видел, — сказал довольный Гаркави не ожиданно спросил у Писаренкова:

— Вы сегодня обедали?

— Не успел...

— А вы вообще что-нибудь зарабатываете? — продолжал интересоваться Гаркави.

— Не очень, — неуверенно ответил Писаренков.

И Гаркави отправил Писаренкова в кино. Нет, не на съемки. Писаренков начал выступать в фойе кинотеатров перед сеансами.

Для любого артиста выступление в кино — работа, прямо надо сказать, каторжная. Публика по большей части стоит, звенят стаканы, хрустит мороженое — все это, мягко говоря, не способствует творческому настроению. Писаренков выступал четыре раза в день, получая за все это весьма небольшой го-

норар. Но можно уже было жить. Можно было репетировать.

КАЮСЬ, что на некоторое время я забыл о Писаренкове. Напомнил мне о нем Лев Борисович Милов.

Как-то его и меня пригласил в свой кабинет тогдашний директор Московской эстрады Андрей Ефимович Луковников.

— У меня есть свободные концертные площадки, — сказал он. — Но, к сожалению, весь фонд на постановки израсходован. Вы два коммуниста, вот комсомольская организация и просит вас в порядке шефства создать молодежную программу из артистов, не известных в Москве.

Так началась работа над программой «Вы их не знаете». Я писал сценарий, Милов ставил программу, художник Змойро подбирал декорации.

— Слушайте, — сказал мне как-то Милов. — Недавно в кино я видел забавного артиста. Фамилия его не то Писарев, не то Макаренко. Его надо взять в программу.

Через несколько дней мы с Миловым поняли, что, взяв Писаренкова, совершили хотя и исправимую, но серьезную ошибку. Боже мой, как нам надоел Писаренков! Он ничего не принимал на веру и даже авторитет Милова подвергал сомнению. Милов поспеивался, слушая размышления Писаренкова по поводу теории эстрадного искусства, а я, честно говоря, злился, потому что каждое указание, которое мы делали Алику, он подвергал сомнению, останавливал репетиции, и я боялся, что программу «Вы их не знаете» так никто и не узнает.

Как-то ехали мы в машине. Милов ее вел, а в качестве пассажиров сидели мы с Писаренковым. Альберт размахивал руками и доказывал нам, что авторитеты в искусстве хотя и бывают, но в общем их не должно быть.

— Слушайте, Алик, — мягко сказал Милов, — но ведь все-таки кому-то верить надо. Ведь то, что предлагает вам Федор Александрович, нужно прежде всего не ему, а вам. Вы подумайте, может быть, в его советах есть нечто для вас полезное?

Программа «Вы их не знаете» все же увидела свет, имела некоторый успех, но в одной из рецензий, отмечая достоинства молодых артистов, критик обрушился на Писаренкова не то за пошлость, не то за развязность — сейчас уже не помню, за что. Я понял, что совместная работа с Писаренковым принесла нам обоим весьма относительную пользу.

Потом наши пути с Писаренковым разошлись. Нет, мы встречались с ним, но не на эстраде, а на различных выставках, театральных и цирковых премьерах. На концертах, не только эстрадных, но и симфонических.

Писаренкова нельзя было не заметить. Вокруг него в антрактах образовывался обычно какой-то водоворот. Я обратил внимание на то, что Алик не только вещал, размахивая руками, но и прислушивался к тому, что говорят окружающие. Слушал с любопытством, но, насколько я понимаю сейчас, последнее слово всегда оставалось за ним.

В ПРОШЛОМ году мне поручили вести концерты молодых артистов в программе «Золотая осень». И среди участников кон-

церта я увидел знакомую фамилию — Писаренков.

Выяснилось, что он и я должны были вести концерт. Одно отделение было предоставлено Писаренкову, другое — мне.

Короче говоря, нам надо было «поделить» артистов и разбить их по отделениям. Работа не столько творческая, сколько механическая. Но неожиданно Писаренков внес предложение: «Дядя Федя, а если мы будем вместе вести концерт? Сделаем на эту программу парный конференс. Нескольким интермедиям. Признаться, я не слишком рвался принять его предложение. Но все же согласился. За десять дней мы сделали с Писаренковым несколько интермедий.

Однажды Писаренков сказал, что он может делать буриме (мгновенно сочинять стихи на заданные рифмы). Я лично не поклонник этого жанра, потому что, несмотря на высокое мастерство некоторых специалистов, это самое буриме всегда невольно замедляло ритм и темп концертов. Но то, как делал буриме Писаренков, привело меня в восторг. На заданные ему рифмы он мог молниеносно сочинить несколько своеобразных литературных пародий в стиле любого поэта, имя которого ему называли. Он делал пародии на Маяковского, Пушкина, Есенина, Евтушенко и даже Гомера. Это было просто блестяще, что я и сказал своему партнеру. И вдруг я увидел нового Писаренкова: смущенного и несколько растерянного. Он боялся вынести эти буриме на публику. Он робел! Робеющий Писаренков — это было что-то новое. Я уговорил его попопробовать, и на первом же нашем концерте Писаренков имел громадный успех. Причиной его было не только умение артиста бойко сочинить стихотворение, нет! Зрители понимали, что так овладеть стилем пародируемого поэта может только интеллигентный, тонко чувствующий поэзию человек.

Должен сказать, что те немногие концерты, в которых я выступал вместе с Писаренковым, доставляли удовольствие не только зрителям, но и мне, его партнеру. Альберт радовал меня и богатством интонаций, и теми любопытными приспособлениями, которые он находил в результате наших совместных действий.

Но справедливости ради должен сказать, что легкость его иногда переходила в развязность и даже в некоторое нахальство, которое несколько раздражает и обижает зрителей. Я убедился в этом на нашем последнем совместном концерте, который шел в «Сокольниках». Я посоветовал Писаренкову избавиться от демонстрации этакого подчеркнутого превосходства над зрителями. Писаренков выслушал все со вниманием. Может быть, он меня и послушает, ведь он уже не тот Писаренков, каким был в самом начале нашего знакомства.

КАК известно, в прошлом году состоялся четвертый Всесоюзный конкурс артистов эстрады. Мы были уверены, что Писаренков примет в нем участие, и думали, что займет одно из первых мест. Но Писаренков отказался от конкурса. Это была не трудность! Ни в коей мере. Альберт считал, что конференсье без привычной концертной обстановки, то есть без номеров и публики, просто не имеет права работать. И нас обрадовала эта его принципиальность.

Недавно Писаренков был у меня. Он придумал новый, очень интересный номер, такой, какого еще не было у нас на эстраде. В этом номере он использовал свое знание литературы, свой возросший вкус и возросшее мастерство. Какой это номер? Преждевременно говорить об этом. Как говорится, дождем увидим. Я уверен, что номер получится, потому что верю в талант и работоспособность этого любопытного Писаренкова.

Ф. ЛИПСКЕРОВ.